

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-278-279

© В. П. Киржаева, © О. Е. Осовский

КНИГА ЛОНДОНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ*

Появление рецензируемой монографии в авторитетном американском университетском издательстве свидетельствует о сохраняющемся на Западе интересе к истории русского литературоведения 1920–1930-х годов. Внимание читателя привлекают и заголовок книги «Рождение и смерть литературной теории», и имя автора — Г. Тиханов, профессор Университета королевы Марии (Лондон), которому принадлежат работы о В. Веньямине, Д. Лукаче, М. М. Бахтине и его круге, русских формалистах, литературной критике эмиграции. Литературность заголовка находит продолжение и в названиях глав, емко и ярко характеризующих их содержание: «Противоречия раннего русского формализма и их последующие отголоски», «Скептик у колыбели теории: размышления Густава Шпета о литературе», «На пути к философии культуры: Бахтин за пределами литературной теории», «Границы современности: семантическая палеонтология и ее подспудное воздействие» и «Изгнанники между войнами: режимы релевантности в эмигрантской критике и теории». Так выстраивается картина формирования того, что автор понимает под русской литературной теорией 1920–1930-х.

Роль России в становлении и эволюции новых художественных и философско-эстетических парадигм (от авангарда до структурализма), конечно, не раз описывалась отечественными и зарубежными исследователями, однако Г. Тиханов находит новый подход к проблеме, обозначенный в подзаголовке книги термином М. Фуко «режимы релевантности». Именно «модусы актуальных соответствий» литературного производства ожиданиям и потребностям тех или иных творческих и социальных слоев и групп оказываются в центре книги и рассматриваются как ориентиры для теоретических построений В. Б. Шкловского, Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, И. Г. Франк-Каменецкого, О. М. Фрейденберг, их последователей и оппонентов.

Если российскому читателю многое из сказанного автором может показаться знакомым, то для англоязычной аудитории дело обстоит иначе, поскольку она привыкла воспринимать русскую литературную теорию как продукт, созданный в основном формальной школой или, в лучшем случае, формалистами и М. М. Бахтиным. Несомненной заслугой Г. Тиханова становится расширение привычного ряда имен: обращение к наследию Г. Г. Шпета и его учеников, О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкого заметно меняет представление о российском литературоведческом ландшафте и делает картину научной жизни России насыщеннее и разнообразнее. Особенно примечательна фигура Г. Г. Шпета, чей вклад в философию и эстетику первой трети XX века в науке подробно описан, в то время как его роль в разработке теоретико-литературных вопросов, в теории и практике художественного перевода почти не обсуждалась, что обуславливает значимость данного сюжета и для российского литературоведения. При этом Г. Тиханов подчеркивает универсальный характер русской литературной теории с ее намеренным отказом «от акцентированной „русскости“, помещая зарождение теории в более широкий и разнообразный культурный контекст, контуры которого выходят далеко за пределы России» (с. 9).

Происходящие в России в конце 1910-х — 1930-е годы изменения в восприятии литературы, понимании ее целей и общественного статуса, рецепция этих изменений различными школами и направлениями влияют на формирование западной литературной теории второй половины XX века, причем не только опосредованно — через Пражский лингвистический кружок, но, как убедительно показывает Г. Тиханов, и непосредственно — от В. Б. Шкловского к Ц. Тодорову и Ю. Кристевой (Франция) или к Л. Матейке (США). В отказе от традиционного восприятия литературы как рупора идей и декларировании ее автономности автор видит важнейшее открытие В. Б. Шкловского с его почти лингвистическим подходом. Иной режим релевантности у Г. Г. Шпета и ГАХНовцев, стремившихся сохранить философско-эстетическое прочтение литературного произ-

* *Tihanov G. The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford: Stanford University Press, 2019. 272 p.*

ведения, сочетая феноменологию с неогегельянством, а перевод с интерпретацией. По третьему пути идет М. М. Бахтин, создающий, с точки зрения Г. Тиханова, свою философию культуры не только в книге о Рабле, но и в работах о романе. Автор не обходит вниманием и дискуссии в теоретико-литературной среде: так, полемике М. М. Бахтина и его круга с формализмом уделено не меньше места, чем дискуссии формалистов и марксистов 1927 года, или критике теории Шкловского его бывшей студенткой, сотрудницей парижской газеты «Евразия» Э. Литауэр, или несогласию М. М. Бахтина со взглядами Г. Г. Шпета на роман. Направлением, опосредованно повлиявшим через школу Ю. М. Лотмана на западную теорию 1990–2000-х, названа семантическая палеонтология Н. Я. Марра и его ближайших союзников в литературоведении. Специальный сюжет о восприятии литературы в эмигрантской среде обозначает контуры диалога французского и русского научного и литературного дискурсов.

Очевидным достоинством книги является привлечение широкого круга источников — от литературных и литературоведческих текстов (в том числе малоизвестных), периодики 1920–1930-х годов, архивных материалов до новейших российских и зарубежных исследований, что позволяет оценить и профессиональную эрудицию ученого, и обоснованность его концепции, подкрепленную убедительной фактографией. Вполне логичен и выбор в качестве ключевых фигур В. Б. Шкловского и М. М. Бахтина, тем более что представлены они не в противостоянии друг другу, но ско-

рее — ведущими голосами многоголосого разговора о смыслах и задачах литературы, который продолжается и сейчас. Так что объявление о смерти русской литературной теории в заголовке воспринимается после прочтения книги скорее как метафора. Автор ведет речь о событиях прошлого, но их ориентация на сегодняшние проблемы очевидна: опыт изменений режимов рецепции литературы особенно важен для понимания современного статуса словесности, когда из мира незбылемых духовных ценностей она все ощутимее вытесняется в сферу потребления и развлечений, а читатель не просто становится непосредственным участником интерактивного диалога с автором, но превращается, с точки зрения постмодернистской социологии чтения, как минимум в его соавтора.

Можно предположить, что ограниченный объем не позволил Г. Тиханову остановиться на ряде моментов, существенных для книги. В частности, предложенная им схема не учитывает фактор присутствия и влияния российского академического литературоведения, той самой «старой школы», традиции которой во многом определяли научную позицию М. М. Бахтина и оказывали куда большее воздействие на В. М. Жирмунского, нежели Н. Я. Марр или И. И. Мещанинов. Конспективно намеченный в финале книги сюжет о «мировой литературе» как создаваемой русской литературной теорией конструкции особого типа (в советской терминологии 1920–1940-х годов, «всеобщей литературы») представляется крайне перспективным, но, похоже, ему суждено стать темой следующей монографии автора.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-279-281

© К. В. Анисимов

НОВАЯ КНИГА О БУНИНЕ*

Монография Е. Р. Пономарева подводит промежуточный итог многолетним изысканиям ее автора в областях бунинской текстологии и эдиционной практики (см. три тома издания «И. А. Бунин. Новые материалы» (2004–2014); новейший 110-й том «Литературного наследства», десятки отдельных статей) и соединяет в своем инструментарии анализ поэтики с детальными экскурсами в историю текста. Самоочевидная эффективность такого подхода, особенно в условиях становящегося все более шокирующим отсутствия авто-

ритетного издания сочинений первого русского нобелиата, дополнена здесь соображениями об уникальных особенностях бунинской литературной работы, о внедренной в словесную структуру произведения его принципиальной смысловой «незаконченности», когда буквально каждый (даже вполне маргинальный и, казалось бы, чисто «технический» по своему положению среди рукописей) манускрипт может содержать в себе решительный смысловой поворот, проблематизирующий то, что обычно понимают под «итоговой редакцией» и «последней авторской волей». Здесь Е. Р. Пономарев словно семантизирует текстологию, возводя рутину нескончаемых бунинских правок к новому, динамическому и подвижному, принципиально поливариантному мышлению писателя, хотя в целом разрабатывает самое

* Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-012-41004.